

ПРИНЦИП ЗАКОННЫХ ОЖИДАНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИНВЕСТИЦИОННОМ АРБИТРАЖЕ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ

Абдумуталимова Кумушхон Акмалжон кизи

магистрант Ташкентского государственного юридического
университета по направлению «Международное коммерческое
право» Ташкент, Узбекистан

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21331668>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 09-iyul 2026 yil
Ma'qullandi: 11-iyul 2026 yil
Nashr qilindi: 13-iyul 2026 yil

KEYWORDS

законные (легитимные)
ожидания; справедливое и
равноправное обращение
(FET); право государства на
регулирование;
стабилизационная оговорка;
тест баланса интересов;
Испанская сага;
инвестиционный арбитраж;
Республика Узбекистан.

ABSTRACT

Статья посвящена анализу доктрины законных (легитимных) ожиданий инвестора как составной части стандарта справедливого и равноправного обращения (FET) в международном инвестиционном праве. На основе анализа доктринальных истоков принципа, его источников и практики международных инвестиционных арбитражей, включая серию дел «Испанская сага», выявлена ключевая проблема толкования, отсутствие ясной границы между правом государства на регулирование и правом инвестора на стабильность регуляторной среды. Предложены рекомендации по договорному и национальному закреплению права государства на регулирование применительно к инвестиционной практике Республики Узбекистан.

Введение

Принцип защиты законных ожиданий инвестора имеет не только теоретическое, но и практическое значение для инвестиционной политики любого государства. Являясь неотъемлемой частью стандарта справедливого и равноправного обращения (fair and equitable treatment, далее «FET»), данный принцип фигурирует практически в каждом инвестиционном споре: истец, как правило, ссылается на нарушение FET, а значит на нарушение своих законных ожиданий.

Актуальность темы для Республики Узбекистан обусловлена последовательным курсом государства на улучшение инвестиционного климата, что подтверждается рядом указов Президента, направленных на привлечение прямых иностранных инвестиций. Вместе с тем, предоставляя иностранным инвесторам гарантии и льготы, государство формирует у них определённые законные ожидания, нарушение которых способно повлечь значительные финансовые и репутационные издержки.

Основная проблема заключается в непоследовательности международной арбитражной практики при толковании источников законных ожиданий инвестора. Одни трибуналы придерживаются строгого подхода, согласно которому любое изменение законодательства приравнивается к нарушению стандарта FET; другие применяют более мягкий подход, допуская изменения законодательства при условии

прохождения теста баланса интересов, отвечающего на вопрос о необходимости и соразмерности принятых мер¹.

Для иллюстрации указанной проблемы в статье используется серия арбитражных дел, известная как «Испанская сага» наиболее показательный пример того, как трибуналы приходят к диаметрально противоположным решениям при практически идентичных фактических обстоятельствах. Настоящая статья представляет собой сжатое изложение результатов авторского диссертационного исследования и отвечает на вопрос: где проходит линия между правом государства на регулирование и правом инвестора рассчитывать на стабильность правовой среды.

Доктринальные истоки и трансформация принципа законных ожиданий в международном инвестиционном праве.

В праве Республики Узбекистан концепция законных ожиданий закреплена в части 2 статьи 55 Конституции (гарантия судебной защиты прав и свобод от незаконных решений государственных органов), а также в статье 16 Закона №ЗРУ-457 от 08.01.2018 г. «Об административных процедурах», согласно которой административные органы обязаны уважать законные ожидания заинтересованных лиц, обусловленные сложившейся административной практикой; изменение такой практики должно быть оправдано общественными интересами, носить общий характер и быть устойчивым.

Из национальной плоскости принцип перешёл в международное инвестиционное право (МИП) через три взаимосвязанных механизма: (1) применение как общего принципа права согласно статье 38(1)(с) Статута Международного Суда ООН; (2) инкорпорация в качестве составной части стандарта FET; (3) наполнение содержания посредством арбитражной практики². Ключевым связующим звеном между FET и законными ожиданиями стало дело *Tested v. Mexico* (2003), где трибунал впервые указал, что в свете принципа добросовестности государство обязано обеспечить режим, не затрагивающий основные ожидания, учтённые иностранным инвестором при осуществлении инвестиций³.

Вместе с тем справедливости ради необходимо отметить, что широкая формулировка стандарта FET, данная трибуналом по делу *Tested v. Mexico*, впоследствии подверглась критике: комитет по аннулированию по делу *MTD v. Chile* (2007) прямо указал, что опора трибунала по делу *Tested* на субъективные ожидания иностранного инвестора как на самостоятельный источник обязательств

¹См. подробнее: Douglas Z. Nothing if not Critical for Investment Treaty Arbitration: Occidental, Eureka and Methanex // Arbitration International. — Vol. 22. — P. 28.

²Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. — Cambridge: Cambridge University Press, 1953.

³Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/00/2, Award (2003).

принимającego государства является спорной, поскольку такие обязательства должны вытекать из договора, а не из одних лишь ожиданий инвестора⁴.

Дальнейшее развитие доктрина получила в деле *Waste Management v. Mexico* (2004), где нарушение FET было связано с явной несправедливостью, дискриминацией и подрывом «законных и обоснованных ожиданий» инвестора⁵, а также в деле *Saluka v. Czech Republic* (2006), уточнившем, что защите подлежат лишь «разумные и обоснованные» ожидания, тогда как общая благоприятная экономическая ситуация таковой не является⁶. Особое мнение судьи Т. Вальде по делу *Thunderbird v. Mexico* (2006) разграничило объективный критерий ожиданий (существующие обещания, заверения и законодательство государства) и субъективный критерий (на что фактически полагался инвестор), подчеркнув, что осмотрительный инвестор должен опираться именно на объективные критерии.

Обобщая изложенное, можно выделить структурные элементы принципа законных ожиданий: (1) источник ожидания; (2) его обоснованность и разумность; (3) добросовестное полагание инвестора (reliance); (4) действие государства, отступающее от сформированных ожиданий; (5) причинно-следственная связь между нарушением и убытками инвестора. Ключевой же научной проблемой, требующей отдельного анализа, остаётся вопрос об источниках законных ожиданий специальных заверениях государства и общей нормативно-правовой среде.

Источники законных ожиданий инвестора

Специальные заверения представляют собой индивидуализированные обязательства государства перед конкретным инвестором, закреплённые в инвестиционном договоре или соглашении и подтверждённые актами уполномоченных органов. На практике специальные заверения служат основным мотивом принятия инвестиционного решения, а для международных финансовых институтов условием предоставления проектного финансирования. Чем конкретнее и индивидуальнее сформулировано обязательство государства, тем выше вероятность того, что оно будет исполнено, а любое отступление от него признано нарушением FET.

В праве Республики Узбекистан такие заверения закрепляются в трёх основных формах: инвестиционном соглашении (Закон №ЗРУ-598 от 27.01.2020 г. «Об инвестициях и инвестиционной деятельности»), соглашении о государственно-частном партнёрстве и соглашении о государственной поддержке (Закон №ЗРУ-537 от 12.06.2019 г. «О государственно-частном партнёрстве»), а также соглашении о разделе продукции (Закон №ЗРУ-312-II от 07.12.2001 г.). Инвестиционные соглашения заключаются с Кабинетом Министров либо с местными органами власти в зависимости

⁴MTD Equity Sdn. Bhd. and MTD Chile S.A. v. Republic of Chile, ICSID Case No. ARB/01/7, Decision on Annulment (21 March 2007), para. 67.

⁵Waste Management, Inc. v. United Mexican States (Number 2), ICSID Case No. ARB(AF)/00/3, Award (2004).

⁶Saluka Investments BV v. Czech Republic, UNCITRAL, Partial Award (2006), para. 304.

от порогового значения инвестиций (10 млн долл. США) и предусматривают гарантии в визово-миграционной, лицензионной, валютной и страховой сферах, а также, что наиболее важно, компенсацию инвестору при расторжении основного соглашения по вине государства.

Вторым источником законных ожиданий выступает общая нормативно-правовая среда, существовавшая на момент осуществления инвестиций. Здесь действует презумпция должной осмотрительности инвестора: инвестор обязан быть осведомлён о действующем регулировании и о разумной вероятности его изменения. Так, в деле *Methanex v. USA* трибунал учёл, что инвестор на момент вложения капитала знал о жёсткости регулирования химической отрасли, а значит не мог полагаться на его абсолютную неизменность⁷. В деле *Duke Energy v. Ecuador* трибунал подчеркнул, что оценка законности ожиданий должна производиться с учётом всех обстоятельств политических, социально-экономических, культурных и исторических.

Инструментом обеспечения регуляторной стабильности выступают стабилизационные оговорки договорные положения, гарантирующие неизменность применимого к инвестициям законодательства на определённый срок либо на весь период инвестиций. Согласно типологии UNCTAD (2008), выделяются материальные, экономические и гибридные стабилизационные оговорки. Однако арбитражная практика последовательно исходит из того, что даже действующая стабилизационная оговорка не лишает государство права на регулирование в целом: в деле *Aminoil v. Kuwait* (1982) трибунал указал, что инвестор не может рассчитывать на полный отказ государства от законодательных изменений.

В Республике Узбекистан стабилизационная оговорка предусмотрена статьёй 19 Закона №ЗРУ-598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» акты законодательства, ухудшающие положение инвестора, не имеют обратной силы в течение 10 лет, за исключением вопросов репатриации доходов, ограничения участия иностранных инвесторов, долевого участия в уставных фондах и визовых процедур⁸. Более узкая, экономическая по своему характеру стабилизационная оговорка закреплена статьёй 34 Закона №ЗРУ-537 «О государственно-частном партнёрстве»: при неблагоприятном изменении законодательства частный партнёр вправе требовать увеличения платы за доступность, единовременной компенсации либо изменения условий соглашения о ГЧП, за исключением изменений налогового законодательства и мер по защите национальной безопасности.

Современная договорная практика PPP/ГЧП-проектов дополнительно предусматривает механизм защиты инвестора от неблагоприятного изменения законодательства (Change in Law), различая, в зависимости от степени влияния на проект, два сценария: (1) «событие освобождения» (Relief Event) при котором инвестор временно освобождается от исполнения обязательств с сохранением платежей по

⁷Methanex Corporation v. United States of America, NAFTA/UNCITRAL, Final Award, 3 August 2005, Part IV, Chapter D.

⁸Закон Республики Узбекистан от 25.12.2019 г. №ЗРУ-598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности», ст. 19.

проекту; и (2) существенное изменение, делающее продолжение проекта невозможным, квалифицируемое как нарушение со стороны государства с последующей компенсацией. Наличие такой договорной конструкции смещает предмет спора: вопрос уже не в том, нарушены ли законные ожидания, а в том, произведена ли причитающаяся компенсация.

Право государства на регулирование и тест баланса интересов

Центральной проблемой толкования принципа законных ожиданий является противоречие между суверенным правом государства адаптировать регулирование к меняющимся политическим, экономическим, социальным и экологическим условиям и правом инвестора на стабильность правовой среды. Данное противоречие пронизывает практически каждый значимый инвестиционный спор последних двух десятилетий, а исход спора нередко зависит не от объективных критериев, а от интерпретационной позиции конкретного трибунала.

Право государства на регулирование (*jus regulandi*) впервые было прямо признано трибуналом по делу *Methanex v. USA*, указавшим, что недискриминационное регулирование, принятое в общественных целях в соответствии с надлежащей правовой процедурой, не является экспроприационным и не подлежит компенсации, если государство не приняло на себя конкретных обязательств воздержаться от такого регулирования⁹. Тест баланса интересов между этим правом и законными ожиданиями инвестора впервые был применён в деле *Saluka v. Czech Republic*: ни один инвестор не может разумно ожидать полной неизменности обстоятельств инвестирования, однако государство обязано применять законодательство добросовестно, не нарушая требований единообразия, прозрачности и недискриминации.

Как отмечает Ф. Ортино, противоречия арбитражной практики связаны с различным пониманием правовой стабильности: строгое понимание расценивает любое нормативное изменение как нарушение FET, тогда как мягкое понимание требует применения теста баланса интересов по существу реформы¹⁰. Тест баланса интересов включает более узкий тест пропорциональности, заимствованный из права Европейского Союза и состоящий из четырёх элементов: (1) наличие законной цели; (2) пригодность меры для её достижения; (3) необходимость меры (отсутствие менее обременительной альтернативы); (4) соразмерность бремени, возлагаемого на инвестора, достигаемому общественному благу¹¹.

Важно разграничивать две самостоятельные функции теста пропорциональности в арбитражной практике. Во-первых, он выступает пороговым критерием, определяющим саму легитимность регуляторной меры государства безотносительно к тому, существовали ли у инвестора законные ожидания вообще, —

⁹Methanex Corporation v. United States of America, NAFTA/UNCITRAL, Final Award, 3 August 2005.

¹⁰Ortino F. The Origin and Evolution of Investment Treaty Standards: Stability, Value, and Reasonableness. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — P. 40–42.

¹¹Stone Sweet A., Mathews J. Proportionality Balancing and Global Constitutionalism // Columbia Journal of Transnational Law. — 2008. — Vol. 47. — P. 72.

именно этот подход применяется в настоящей статье при анализе права государства на регулирование (стадия *liability*). Во-вторых, тест пропорциональности используется в ином качестве — как инструмент определения размера компенсации после того, как нарушение стандарта FET уже установлено, то есть на стадии *quantum*.

Применение данного теста в практике неоднородно. В делах *Occidental v. Ecuador*, *CMS v. Argentina* и *Enron v. Argentina* трибуналы признали нарушение FET, поскольку изменения законодательства были неожиданными и непоследовательными, а именно на первоначальные льготы инвесторы полагались при принятии решения об инвестировании. Напротив, в деле *PSEG v. Turkiye* трибунал прямо отступил от расширительного толкования, указав, что защиту получают только конкретно сформулированные государством заверения, а не любые изменения регуляторной среды.

Наиболее показательным примером противоречивости арбитражной практики является серия дел против Испании, возбуждённых инвесторами в секторе солнечной энергетики («Испанская сага»). После принятия Королевских указов 661/2007 и 1578/2008, установивших гарантированный льготный тариф на электроэнергию из возобновляемых источников, и последующей отмены данного режима на фоне финансового кризиса 2008 года, инвесторы предъявили Испании иски на общую сумму около 10 млрд евро (более 50 дел к 2023 году), основанные на статье 10(1) Договора к Энергетической Хартии.

В деле *Charanne v. Spain* (2016) трибунал применил мягкий подход и отклонил иск, признав, что действовавшая на момент инвестирования нормативная схема не создавала обязательства сохранять её неизменной, а спорные изменения существенно не повлияли на ожидаемую доходность¹². Напротив, в деле *Novenergia v. Spain* (2018) трибунал пришёл к противоположному выводу, установив, что радикальная реструктуризация 2013–2014 гг., фактически демонтировавшая первоначальную нормативную схему, нарушила FET, поскольку первоначальная схема гарантировала стабильность режима, на которую инвесторы обоснованно полагались; Испании было предписано выплатить около 53 млн евро компенсации¹³. Схожий вывод был сделан в деле *Masdar v. Spain* (2018), где Королевский указ 661/2007 был квалифицирован не как общая законодательная мера, а как конкретное обещание инвесторам, а последующее ретроспективное применение новых правил к уже действующим проектам было расценено как серьёзный признак нарушения законных ожиданий¹⁴.

Наконец, в деле *Stadtwerke München v. Spain* (2019) трибунал, применив тест пропорциональности, признал испанские меры разумными: испанские правила 2010

¹²Charanne B.V. and Construction Investments S.à.r.l. v. Kingdom of Spain, SCC Case No. 062/2012, Final Award (2016), paras. 489–510.

¹³Novenergia II – Energy & Environment (SCA) et al. v. Kingdom of Spain, SCC Case No. 063/2015, Final Award (2018), paras. 153–155, 694–697.

¹⁴Masdar Solar & Wind Cooperatief U.A. v. Kingdom of Spain, ICSID Case No. ARB/14/1, Award (2018), paras. 482–506.

года не внесли радикальных изменений в правовую среду, а сохранение части первоначальных стимулов свидетельствовало о добросовестности государства¹⁵. Обобщая выводы «Испанской саги», можно сформулировать два принципиальных вывода: (1) общая законодательная база является самостоятельным источником законных ожиданий инвестора; (2) нарушение этих ожиданий имеет место лишь тогда, когда изменения регуляторной среды являются фундаментальными, радикальными и непропорциональными для достижения легитимной публичной цели, то есть не проходят тест баланса интересов.

Договорные подходы и рекомендации

Анализ двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) Республики Узбекистан показывает, что подавляющее большинство из более чем 40 соглашений, заключённых начиная с 1992 года, содержат стандартную формулировку стандарта FET без каких-либо уточнений или оговорок о праве государства на регулирование (за отдельными исключениями, например ДИД с Германией 1993 г. и Ираном 2000 г., не содержащими данного стандарта вовсе). Подобная договорная неопределённость воспроизводит все описанные выше проблемы толкования и оставляет государство уязвимым перед широким кругом исков.

Показательным дополнением к изложенному служит практика соседних государств Центральной Азии, накопивших значительный опыт разрешения инвестиционных споров, связанных именно с толкованием законных ожиданий. Так, в деле *Rumeli Telekom v. Kazakhstan* трибунал признал нарушение стандарта FET вследствие одностороннего расторжения государством инвестиционного контракта, на условия которого инвестор добросовестно полагался при развитии сети мобильной связи¹⁶. Ещё более показательным является дело *Stati and others v. Kazakhstan*, в котором трибунал установил нарушение статьи 10(1) Договора к Энергетической Хартии в связи с совокупностью недобросовестных регуляторных и правоприменительных действий государства, подорвавших законные ожидания инвестора относительно стабильности условий недропользования¹⁷. Кыргызская Республика столкнулась со сходной проблемой в деле *Sistem Mühendislik v. Kyrgyz Republic*, где трибунал признал, что аннулирование прав инвестора судебными актами на фоне политической нестабильности 2005 года нарушило его законные ожидания и составило косвенную экспроприацию¹⁸. Отдельного внимания заслуживает опыт Республики Казахстан по прямой рецепции английской доктрины *legitimate expectations* в рамках права

¹⁵Stadtwerke München GmbH et al. v. Kingdom of Spain, ICSID Case No. ARB/15/1, Award (2019), paras. 319–323.

¹⁶Rumeli Telekom A.S. and Telsim Mobil Telekomunikasyon Hizmetleri A.S. v. Republic of Kazakhstan, ICSID Case No. ARB/05/16, Award (29 July 2008).

¹⁷Ascom Group S.A., Anatolie Stati, Gabriel Stati and Terra Raf Trans Trading Ltd. v. Republic of Kazakhstan, SCC Case No. V (116/2010), Award (19 December 2013).

¹⁸Sistem Mühendislik İnşaat Sanayi ve Ticaret A.Ş. v. Kyrgyz Republic, ICSID Case No. ARB(AF)/06/1, Award (9 September 2009).

Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), где данная доктрина применяется судом МФЦА непосредственно на основании статутной инкорпорации, а не выводится трибуналом как общий принцип права. Изложенная практика подтверждает, что проблема толкования законных ожиданий носит для региона Центральной Азии не абстрактный, а остро практический характер.

Существенным исключением является ДИД Индия–Узбекистан 2024 года, статья 3 которого прямо закрепляет право государства на регулирование: сторона вправе принимать регулирующие меры для целей устойчивого развития и иных законных социальных, экономических и экологических целей государственной политики, а осуществление этого права должно пониматься как элемент баланса прав и обязанностей сторон; при этом договор одновременно исключает самостоятельное применение стандарта FET, ограничиваясь защитой от отказа в правосудии, существенного нарушения надлежащей процедуры, целенаправленной дискриминации и явно жестокого обращения¹⁹. Аналогичную, но менее радикальную модель предлагает Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение Канада–ЕС (СЕТА) 2016 года: статья 8.9 подтверждает право сторон регулировать в законных публичных целях, прямо указывая, что регулирование, в том числе путём изменения законодательства, негативно влияющее на инвестиции или ожидания инвестора относительно прибыли, само по себе не является нарушением; при этом обязательства государства по поддержанию субсидий возникают лишь при наличии конкретных обязательств по закону или договору²⁰. В отличие от индийско-узбекского договора, СЕТА сохраняет стандарт FET (ст. 8.10), но раскрывает его через закрытый перечень нарушений отказ в правосудии, существенное нарушение надлежащей процедуры, явный произвол, целенаправленная дискриминация и злоупотребления в отношении инвесторов, допуская учёт конкретных заверений государства лишь в качестве дополнительного фактора.

Из сопоставления двух моделей следует практический вывод: для инвестиционной политики Республики Узбекистан целесообразно сохранить стандарт справедливого и равноправного обращения (модель СЕТА), одновременно закрепив право государства на регулирование и ограничив защиту законных ожиданий сферой конкретных и специальных заверений государства (сочетание элементов обеих моделей).

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Узбекистан.
2. Закон Республики Узбекистан от 25.12.2019 г. №ЗРУ-598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности».
3. Закон Республики Узбекистан от 12.06.2019 г. №ЗРУ-537 «О государственно-частном партнерстве».

¹⁹Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций между Республикой Индия и Республикой Узбекистан (2024), ст. 3–4.

²⁰Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada and the European Union (2016), Art. 8.9.

4. Закон Республики Узбекистан от 07.12.2001 г. №ЗРУ-312-II «О соглашениях о разделе продукции».
5. Закон Республики Узбекистан от 08.01.2018 г. №ЗРУ-457 «Об административных процедурах».
6. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 02.08.2005 г. №180.
7. Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций между Республикой Индия и Республикой Узбекистан (2024).
8. Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada and the European Union (2016).
9. Energy Charter Treaty (modernized text, adopted June 2022).
10. Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. — Cambridge: Cambridge University Press, 1953.
11. Ortino F. The Origin and Evolution of Investment Treaty Standards: Stability, Value, and Reasonableness. — Oxford: Oxford University Press, 2019.
12. UNCTAD. Fair and Equitable Treatment. UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II. — New York and Geneva: United Nations, 2012.
13. Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/00/2, Award (2003).
14. Waste Management, Inc. v. United Mexican States (Number 2), ICSID Case No. ARB(AF)/00/3, Award (2004).
15. Saluka Investments BV v. Czech Republic, UNCITRAL, Partial Award (2006).
16. International Thunderbird Gaming Corporation v. United Mexican States, UNCITRAL, Award (2006), Separate Opinion of T. Wälde.
17. Parkerings-Compagniet AS v. Republic of Lithuania, ICSID Case No. ARB/05/8, Award (2007).
18. Methanex Corporation v. United States of America, NAFTA/UNCITRAL, Final Award (2005).
19. Duke Energy Electroquil Partners v. Republic of Ecuador, ICSID Case No. ARB/04/19, Award (2008).
20. Occidental Exploration and Production Company v. Republic of Ecuador, LCIA Case No. UN 3467, Final Award (2004).
21. CMS Gas Transmission Company v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/01/8, Award (2005).
22. Enron Corporation and Ponderosa Assets LP v. Argentine Republic, Award (2007).
23. Charanne B.V. and Construction Investments S.à.r.l. v. Kingdom of Spain, SCC Case No. 062/2012, Final Award (2016).
24. Novenergia II – Energy & Environment (SCA) et al. v. Kingdom of Spain, SCC Case No. 063/2015, Final Award (2018).
25. Masdar Solar & Wind Cooperatief U.A. v. Kingdom of Spain, ICSID Case No. ARB/14/1, Award (2018).
26. Stadtwerke München GmbH et al. v. Kingdom of Spain, ICSID Case No. ARB/15/1, Award (2019).
27. Aminoil v. Kuwait, Ad hoc Arbitration, Award (1982).

28. MTD Equity Sdn. Bhd. and MTD Chile S.A. v. Republic of Chile, ICSID Case No. ARB/01/7, Decision on Annulment (2007).

**INNOVATIVE
ACADEMY**